

* * *

В предшествующей рецензии вполне правильно указывалось на серьезные методологические пороки книги К. М. Колобовой, которая сочла возможным в почти непереработанном виде опубликовать текст своей докторской диссертации отдельной книгой, совершенно не учитывая положений И. В. Сталина, данных в его гениальном труде «Марксизм и вопросы языкознания». Таким образом, К. М. Колобова осталась в стороне от того сдвига, который произошел в нашей исторической науке за последние два года. Ввиду того, что Д. П. Каллистов рассматривал главным образом содержание первой главы рецензируемой книги, мы остановимся в основном на дальнейших главах работы К. М. Колобовой. К общей характеристике первой главы ее книги, данной в предшествующей рецензии, следует добавить, что, несмотря на ряд интересных данных о Родосе микенской поры, в главе не хватает основного стержня. Важны, конечно, данные и о микенских некрополях, и о дорической колонизации, и о культуре Афины Линдской. Но они не объединены друг с другом. Между тем историк-марксист обязан дать общую картину данного общества. Нужно было установить сначала характер производства и экономического строя, а затем охарактеризовать политическую надстройку и культуру данного общества. Конечно, на Родосе имеется мало данных для микенского периода, но они все-таки есть. К. М. Колобовой следовало установить хотя бы и то, что теперь возможно. Но, к сожалению, весь ее анализ направлен не на то, на что следует. Вместо того, чтобы определить и охарактеризовать социально-экономический строй общества, автор, в духе Н. Я. Марра, больше всего интересуется культурами и магическими действиями.

Вторая глава начинается с раздела «Родосское трехградие». Здесь автор устанавливает местоположение как главных городов Родоса — Ялиса, Камира и Линда, так и упоминаемого у некоторых авторов города Кирбы. Отмечается связь Кирбы с Критом. Второй и третий разделы главы посвящены проблеме финикийской колонизации и взаимоотношениям финикийцев с греками на Родосе. Разбирая данные греческой мифологии и археологический материал, К. М. Колобова приходит к выводу, что финикийской колонизации никогда на Родосе не было. Аргументация ее кажется мне довольно убедительной.

Тема следующего раздела — «Политический строй раннего Родоса» — очень важна. Однако материалов по этому вопросу чрезвычайно мало. Источники, относящиеся к раннему времени, — это только корабельный каталог в «Илиаде» и надпись ялисса Телефа в Абу Симбеле. Некоторое значение имеет также свидетельство Диогена Лаэртского. Для решения поставленного вопроса автором привлекаются различные надписи значительно более позднего времени, например, надпись II в. до н. э. (стр. 87). Едва ли это методически допустимо. Конечно, указанная надпись очень ценна тем, что в ней говорится о должностных лицах, но вряд ли наименование и количество, а также и функции последних были одинаковы в VII—VI и во II вв. до н. э. Пользоваться безоговорочно этим материалом совершенно невозможно.

К. М. Колобова приходит к заключению, что каждый из трех родосских центров подразделялся, с одной стороны, по родовому признаку на филы, фратрии и роды, а, с другой, — по территориальному — на демы. К сожалению, она не останавливается на времени существования одного и другого деления. Впрочем, в данном разделе принцип такого двойного деления только намечается, развивается же он более полно в следующем разделе той же главы — «Родовые организации на Родосе». При изучении родовых организаций автор на основании главным образом надписей проводит кропотливую работу по выяснению названий этих организаций и их роли в общем строе Родоса. В частности, названия «патр» выясняются по большой родосской надписи III в. до н. э., где перечислены 42 камирские патры (стр. 92). Исходя из этой интересной и важной надписи, К. М. Колобова старается установить не только одни роды, но также фратрии и филы. Очень тщательно, на основании материала надписей автор пытается уяснить понятие «ктень». Но все же оно остается пока неясным. Правильно объясняется название «синном», как общих трапез — сисситий, которые существова-

ли не только в Спарте, но и в других дорических государствах. Автор удачно интерпретирует их как общины, возникшие на основе военной организации.

Несмотря на серьезное решение ряда частных вопросов, концепция К. М. Колобовой в отношении родовой организации в целом неправильна. У нее заметна явная архаизация всей греческой жизни. Конечно, родовые организации существовали и играли весьма значительную роль в древней Греции, но все это происходило на определенном отрезке времени, в основном до установления рабовладельческого полиса. Между тем автор считает, что роль родовых институтов была очень велика на протяжении весьма значительного исторического периода. «Это сохранение родовых институтов до позднего времени давало ту необходимую внутреннюю тесную спаянность гражданского коллектива, которую не могла бы дать одна только территориальная принадлежность» (стр. 111 сл.). Роль родовых организаций была будто бы исключительно велика даже до смерти Александра Македонского (стр. 119). Более того, даже религиозные союзы эпохи эллинизма К. М. Колобова понимает в значительной степени как родовые объединения (стр. 97 сл.). Но такое толкование значения родовых организаций совершенно неприемлемо. Ведь родовой и территориальный принцип деления общества не сосуществовали одновременно на равных основаниях как это утверждает автором, но первый предшествовал второму. Ясно, что при развитии классового общества родовые связи постепенно распались. Когда развивается ремесло и торговля, когда развивается денежное хозяйство, падает окончательно и родовой строй. «Родовой строй абсолютно несовместим с денежным хозяйством...»¹. Рассматривая общественный строй древней Атики, Энгельс ясно указывает на то, что реформа Клисфена низвергнула «... последние остатки родового строя»². Поэтому и для Родоса нельзя считать, что родовая организация и родовые учреждения сохранились в полной силе до времени эллинизма. Родос по своей экономике и политическому развитию был одним из передовых полисов. Переход к рабовладельческому обществу и развитие рабовладельческих отношений должны были здесь привести примерно к тем же последствиям, что и в Атике. Гипотеза о сосуществовании родового принципа деления общества на роды, фратрии и филы с территориальным, характеризующим переход к классовому обществу, неправильна. С развитием рабовладельческого строя родовые учреждения, очевидно, все более теряли свое значение и на Родосе. Сохранившиеся в качестве пережитков родовые организации никоим образом нельзя расценивать как один из основных моментов, характеризующих рабовладельческий полис.

Последний раздел второй главы посвящен родосским демам. На основании большого количества литературных и особенно эпиграфических источников автор уточняет названия и местоположение родосских демов. Устанавливается также большая давность родосских владений в Перее. Из факта существования родосской филы Диманов, а также культа Афины Камириды К. М. Колобова делает вывод, что эти владения принадлежали Родосу задолго до родосского синокизма. Здесь же уточняется время присоединения к Родосу всех принадлежащих ему островов.

Подводя итог содержанию второй главы книги, мы, к сожалению, должны продолжить замечания, сделанные к первой главе. Несмотря на большую эрудицию автора, на исследовательский характер главы и, наконец, на ряд интересных и частных наблюдений, едва ли по данной работе читатель сможет составить себе понятие об архаическом Родосе. В главе нет основного стержня, нет последовательности, не затрагиваются наиболее существенные вопросы. Что, например, можно узнать из этой главы о производстве архаического Родоса и об его экономическом базисе? Что читатель сможет прочесть в данной работе о той ожесточенной борьбе демоса и аристократии, которая шла в VII—V вв. во всей Греции? Правда, материала по этим вопросам не так уж много, но во всяком случае не меньше, чем по другим. К. М. Колобова должна была остановиться на этих важных вопросах с не меньшим

¹ Ф. Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства, М., 1951, стр. 114.

² Там же, стр. 120.

вниманием, чем это было сделано для установления территорий демов или деятельности различных родовых учреждений. Даже само построение второй главы хаотично. Эта глава разделена следующим образом: 1. Родосское трехградие; 2. Проблема «финикийской» колонизации; 3. Греки и финикийцы; 4. Политический строй раннего Родоса; 5. Родовые организации на Родосе; 6. Родосские демы. Конечно, начать следовало с проблемы «финикийской» колонизации, затем перейти к взаимоотношениям греков и финикийцев, потом к родовым организациям на Родосе, к родосскому трехградию, к родосским демам и закончить главу описанием политического строя раннего Родоса. Все это необходимо было дополнить анализом рабовладения, классовой и социальной борьбы, анализом экономики.

В третьей главе книги изучается родосская колонизация VIII—VII вв. до н. э. Сам по себе небольшой сравнительно вопрос о колонизации Родоса очень актуален потому, что он тесно связан с проблемой греческой колонизации в целом, которая модернизируется и фальсифицируется современными буржуазными историками для оправдания колониальной захватнической политики современного империализма. Автор работы правильно указывает, что «идеализация роли и значения греческой колонизации, прямое сопоставление ее с европейской колонизацией выполняли свою политическую роль — оправдать колониальную экспансию капиталистических стран Европы» (стр. 146). К. М. Колобова правильно критикует два основных порочных тезиса буржуазной историографии — об идентичности характера древних и новых колоний и о «цивилизаторской» роли колонизаторов. Правильно опровергается идеалистическая теория Курциуса, теория перенаселения Рошетта и теория Эд. Мейера, объясняющая греческую колонизацию торговой экспансией. Буржуазная наука рассматривает греческую колонизацию, как односторонний процесс, с учетом только греческого элемента и совершенно забывая местные народы. Автор указывает на регресс современной буржуазной науки сравнительно с буржуазной историографией XIX в. Справедливой критике подвергаются так называемые «теории», объясняющие греческую колонизацию страстью к приключениям и «благородством» расы белых колонизаторов (стр. 151 сл.). Крупным недостатком является то, что очень кратко приводятся основные выводы советской исторической науки по проблеме греческой колонизации — выводы, которые говорят о двусторонности этого процесса и отмечают роль местных племен и местной культуры. Говоря далее о греческой колонизации, К. М. Колобова заявляет, что колонизация была «выражением того этапа общественного развития греческих государств, когда в основных чертах закончилось формирование рабовладельческого полиса» (стр. 154). Верно также указывается и на роль классовой борьбы в основании греческих колоний. В связи с общей проблемой греческой колонизации в данной главе поставлены и частные вопросы, касающиеся ее. Так, например, интересны данные об основании колоний совместно — несколькими городами. Автор говорит об основании Сиракуз не только коринфянами, но также аркадянами и элейцами, об основании Леонтин не только жителями Кум, но также халкидянами и мессенцами (стр. 161). Это правильное замечание относится к вопросу о колонизации Северного Причерноморья. Невозможно приписывать одному Милету основание 75 городов. Нужно учитывать не только свидетельства античных авторов, но также данные археологии и нумизматики. В связи с этим нужно отметить предположение об активном участии Родоса в колонизации Березани. Данные археологии вполне подтверждают эту точку зрения (стр. 164).

Общая концепция греческой колонизации и некоторые конкретные выводы из нее, изложенные в книге К. М. Колобовой, заслуживают внимания. Однако невозможно умолчать об одном крупном пробеле. Остается непонятным, почему автор не использовал известного высказывания Маркса о греческой колонизации: «В древних государствах, в Греции и Риме, принудительная эмиграция, принимавшая форму периодического устройства колоний, составляла постоянное звено в общественной цепи. Вся система этих государств была построена на определенном ограничении количества народонаселения, которого нельзя было превысить, не подвергая опасности самого существования античной цивилизации. Но почему это так было? Потому, что

ам было совершенно неизвестно применение естественных наук к материальному производству. Только оставаясь в небольшом числе, они могли сохранить свою цивилизацию. В противном случае они стали бы жертвами того тяжелого физического труда, который тогда свободного гражданина превращал в раба. Недостаточное развитие производительных сил ставило граждан в зависимость от определенного количественного соотношения, которого нельзя было нарушать. Поэтому единственным выходом из положения была принудительная эмиграция¹. Странно, что это важнейшее положение Маркса совершенно не используется К. М. Колобовой. Это тем более непонятно, что в своей статье «К истории вопроса о греческой колонизации» (ВДИ, 1949, № 2, стр. 121 сл.) она приводит и комментирует это высказывание Маркса. Если это было необходимо в статье, то тем более это нужно в монографии.

Разделы, посвященные отдельным колониям Родоса, являются, пожалуй, самой удачной частью книги. К каждой колонии автор подходит дифференцированно, приводя конкретные данные. В то же время история основания всех этих колоний соответствует общей концепции греческой колонизации, приведенной выше. Так, например, характеризуя историю основания Гелы, автор дает конкретную картину этой колонизации; описывается сбор колонистов, две волны этой колонизации, длительная борьба с местными племенами Сицилии, в частности сиканами и сикулами. Гела имела большое значение для ввоза хлеба на Родос.

Но и в этом разделе имеются существенные недостатки. Так, автор, согласно своей ошибочной теории о роли родовых учреждений в развитых рабовладельческих полисах, пишет: «...каждому новому полисному объединению предстояло выработать не только единые формы политической власти, но и создать роды, фратрии, филы, без которых не мог существовать ни один полис, т. е., иначе говоря, требовалось искусственно, на базе подражания основным метрополиям данной колонии, воссоздать заново полис с его своеобразным сочетанием новых рабовладельческих отношений со старыми родовыми традициями» (стр. 179). Таким образом, по мнению К. М. Колобовой, роды, фратрии и филы были созданы в Геле искусственно уже во время существования рабовладельческого общества. Эта точка зрения полностью противоречит всему историческому процессу.

Четвертый раздел главы касается Дафн и Навкратиса. Дафны характеризуются как военная колония. Переходя к Навкратису, К. М. Колобова делает ряд новых наблюдений; в частности, она относит к хоссским изделиям знаменитую навкратийскую керамику. Считая Навкратис лишь греческим эмпорием, автор не находит возможным рассматривать его в первые века существования, как самостоятельный полис. По мысли автора, Навкратис являлся в это время лишь местом торговой борьбы других городов. Никак нельзя согласиться с К. М. Колобовой, что вопрос стиля керамических изделий безразличен для историка, так как греческие города Малой Азии были настолько связаны между собой, что подхватывали один у другого тот или иной удачный стиль и применяли его у себя. Ведь при всех заимствованиях и подражаниях каждый город все же имел свои производственные традиции, свои особенности.

В последнем разделе этой главы ставится вопрос о Ликии и Фаселиде. Интересно описание пережитков матриархата у ликийцев. Приведенные надписи и таблицы ясно показывают, что счет родства велся двояким образом: то по материнской, то по отцовской линии. Автор объясняет это тем, что немногие старинные аристократические семьи вели счет по первой, остальные — по второй линии. Это очень вероятно. Основание родосцами Фаселиды — единственной греческой колонии на территории Ликии, должно было сопровождаться напряженной борьбой родосцев с ликийцами. Роль Фаселиды для Родоса как укрепленного пункта и как центра транзитной торговли правильно показаны в книге. В общем, третья глава, за исключением отмеченных выше недостатков, интересна и по постановке общей проблемы греческой колонизации, и по разрешению этой проблемы на конкретном материале родосских колоний. Это единственная относительно удачная часть книги.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. IX, стр. 278.

В заключении автор как бы перекидывает мост к классическому и эллинистическому периодам истории Родоса. Указывая на быстрое экономическое и политическое развитие Родоса в VIII—VI вв. до н. э., на его значительные торговые связи с Сицилией, Северной Африкой и побережьем Черного моря, автор переходит к причинам синойкизма трех крупнейших городов Родоса: Липда, Кампра и Ялпса, который имел место в 408—407 гг. до н. э. Причины этого объединения усматриваются в стремлении к экономической и политической независимости.

Здесь К. М. Колобова неправильно утверждает, что знать в городах была связана с торговлей и колонизацией. Это неверно. Знать на Родосе, как и в других государствах Греции, в то время состояла из крупных землевладельцев, влияние которых падало в связи с возвышением ремесленно-торговых слоев. С торговлей и колонизацией была связана не родовая знать, а крупные торговцы и владельцы ремесленных мастерских. Эта новая нарождающаяся олигархия не только не была связана со старой знатью, но и выступала против нее. Процесс падения знати и возвышение ремесленно-торговых слоев происходил в конце VI—начале V в. до н. э. во всей Греции и едва ли мог миновать Родос. Поэтому неверно считать, что родосская знать была связана с торговлей и колонизацией.

В общем и целом следует сказать, что, несмотря на большую осведомленность в фактах по истории Родоса и хорошее знакомство с литературой, все-таки подлинной истории раннего Родоса у К. М. Колобовой не получилось. Наиболее важные основные вопросы истории Родоса ею даже не поставлены. Не освещены в книге экономика Родоса. Нет серьезной характеристики политического строя, социального состава родосского общества и классовой борьбы. За исключением интересных, но не всегда правильных положений о греческой колонизации, все содержание ее книги весьма далеко от общей линии развития советской исторической науки за последние годы.

Ю. Крушкoл

С. Л. УТЧЕНКО, Идеино-политическая борьба в Риме накануне падения республики (Из истории политических идей I в. до н. э.), М., Изд. АН СССР, 1952, 300 стр., тираж 4000 экз., цена 13 руб. 45 коп.

Переход от республики к принципату, зарождение императорской власти — этот великий переворот в истории древнего Рима — давно привлекал внимание и советских ученых¹ и зарубежных буржуазных исследователей. За последние двадцать лет в буржуазной историографии появилось большое количество работ, посвященных правлению Октавиана Августа. Достаточно назвать работы: Hammond, Winspear, Homo, Gagé, Cesarano, Varini, Buchan, Allen, Syme, Foster, Ehrenberg и др. К ним примыкают и работы Ростовцева. Такой интерес буржуазных историков к деятельности Августа понятен. Этот интерес отражает мечты буржуазии о сильной власти и мировом господстве; поэтому Август и поднимается на щит, как император, осуществивший это мировое господство. При такой идеализации Августа его власть рисуется как «надклассовая»; буржуазная наука не может вскрыть классовых корней его власти и при этом часто прибегает к вопиющей модернизации античности. Такие тенденции буржуазной науки требуют от советских историков, вооруженных марксистско-ленинской методологией, еще более глубокого изучения закономерности становления принципата и сущности власти Августа, не только с социально-политической стороны, но и с тесно связанной с ней стороны идеологической. Каковы были идеологические предпосылки принципата? Какова была идейно-политическая борьба в Риме, подготовившая идеологические основы принципата? Эта проблема еще очень мало затрагивалась в советской и буржуазной науке. Дать глубокий марксистский анализ

¹ Особенно см. книгу проф. Н. А. Машкина «Принципат Августа», М.—Л., 1949.

этой идеологической борьбы — вот та весьма благодарная и важная задача, которую поставил перед собой автор рецензируемой работы.

Книга С. Л. Утченко открывается предисловием и затем разбивается на три раздела. Раздел I состоит из трех глав: 1) *πόλις* и *civitas*; 2) Основные тенденции социально-политической борьбы в римском обществе II—I вв. до н. э.; 3) Идеологическая жизнь римского общества II—I вв. до н. э. Раздел II тоже состоит из трех глав: 1) Социально-политическая утопия I в. до н. э.; 2) Теория упадка нравов и ее политическое значение; 3) Развитие политических воззрений Саллюстия. Раздел III включает в себя три главы и заключение: 1) Учение о смешанной форме государственного устройства и его классовая сущность; 2) «Идеальный гражданин» и *officia amicitiae*; 3) Цицерон и идеологическая подготовка принципата. В обширном «Приложении» дан русский перевод двух писем Саллюстия «к Цезарю-старцу» о государственных делах и переписки Цицерона с Гаем Матием. Затем следует «Список сокращений», «Указатель именной и предметный», «Указатель латинских и греческих терминов» и «Источники, указанные в тексте книги». Таково содержание интересной книги С. Л. Утченко. Нужно заметить, что отдельные главы книги уже публиковались в печати; главы о политических воззрениях Саллюстия и об учении Цицерона о смешанной форме государственного устройства (в сокращенном виде) печатались в ВДИ (1949, № 3 и 1950, № 4) и в «Известиях АН СССР, серия истории и философии» (1948, № 2).

Мы специально остановились на вопросе о структуре работы С. Л. Утченко, так как из нее видно, что наиболее общие, принципиальные положения развиваются автором в главах первого раздела, а политические воззрения Саллюстия и Цицерона, специальному анализу которых посвящены остальные разделы книги, призваны лишь послужить конкретной иллюстрацией к выводам автора относительно основных тенденций политической борьбы и идеологической жизни римского общества I в. до н. э.

В первом разделе автор ставит ряд проблем, имеющих принципиально важное значение: отличие греческого полиса от римской *civitas*, классовая структура античного общества, генезис принципата и т. д. Однако не все эти вопросы получают равноценное решение.

Так, например, говоря о различии между *πόλις* и *civitas*, автор делает небольшой экскурс, посвященный выяснению проблемы становления и развития греческого полиса. Он указывает на то, что греческие города-государства возникают в VIII—VI вв. до н. э., и подчеркивает наличие двух путей их возникновения: на территории бывших поселений родовой знати или на еще необжитой территории (как правило, в прибрежной полосе). Главным выводом автора является утверждение о том, что основным фактором формирования греческих городов-государств был процесс образования классов, т. е. раскол общества на враждебные классы.

Процесс становления и развития греческого полиса в основных его чертах прослежен С. Л. Утченко, несомненно, правильно, но тем не менее мы должны сделать автору упрек, состоящий в том, что он не дает развернутого определения социальной природы полиса¹. Определяя природу полиса, автор неизбежно должен был коснуться вопроса о характере и формах античной собственности, вопроса, совершенно не затронутого в работе С. Л. Утченко. Осветить эти вопросы тем более необходимо, что, как известно, К. Маркс в своем труде «Формы, предшествующие капиталистическому производству» уже дал принципиальное решение всех этих проблем. Без развернутого определения классовой природы полиса вопрос о различиях между *πόλις* и *civitas*, на наш взгляд, не может быть решен полностью.

Гораздо основательнее исследует С. Л. Утченко вопрос о генезисе принципата, хотя анализирует его не в полном объеме, но главным образом в плане идеологической подготовки принципата.

¹ Вопрос об экономическом базисе и формах собственности теперь приобретает особое значение в свете работы И. В. Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР».